

ПОХОДЫ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

Алексей Корепанов

БАРДАЗАР

книга 5

Походы Бенедикта Спинозы

Алексей Корепанов

Бардазар

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Бардазар / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Походы Бенедикта Спинозы)

«Бардазар» – пятая книга цикла «Походы Бенедикта Спинозы».

Экспедиция на планету Грендель завершена, и ничто, казалось бы, не мешает ее участникам взять курс назад. Но получилось по-другому. И пришлось супертанку и экипажу повременить с возвращением в воинскую часть. События на далеком Гренделе аукнулись и капитану «Пузатика» Линсу Макнери – он вновь попал в переделку. И оказалось, что все пути ведут на Можай – планету, которую в давние времена посетили могущественные свамы, оставив там грандиозное сооружение, способное уничтожить жизнь во всей Галактике. Валы Можая... Что же все-таки скрывается в их глубинах?

© Корепанов А. Я.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Глава 1. За цветочками	9
Глава 2. Сплошное попадалово	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Корепанов

Бардазар

*«Следующая – конечная!»
Из ритуальных фраз Темных веков*

Пролог

– А вот свинтильки еще отведайте-ка, – крепко сбитая темноволосая пандигийка с черным кольцом, продетым в мочку левого уха, поставила перед Уиром Обером и Маркассой очередную глубокую посудину, исходящую паром. – Такой свинтильки вам больше нигде не подадут, и не мечтайте. Даже если в каких кабаках в меню и значится, так это подделка, для простачков. А у меня самая что ни на есть взаправдашняя! Можно сказать, аутентичная, это любой подтвердит! Прямо отсюда черпайте ложками, пока тепленькая.

Уир Обер тяжело вздохнул и с трудом качнул головой – еда в него уже не вмещалась. Он бросил беспомощный взгляд на Маркассу, и та придвинула посудину к себе, улыбнулась хозяйке:

– Спасибо, госпожа Джунигура, обязательно попробуем!

Хозяйка удовлетворенно кивнула и пошла вокруг стола, высматривая, у кого еще в тарелках пусто. Заметно было, что она готова разбиться в лепешку, чтобы не сплеховать, ведь именно ей сегодня, по жребии, выпала честь принимать гостей – Уира и Маркассу, – прибывших в это горное селение на планете Бриндия в поисках сородичей-пандигиев. Еды и питья на длинном столе хватило бы не то что на тридцать с лишним сапиенсов, присутствующих в просторной комнате, но, пожалуй, и на добрую сотню. Поскольку каждый из односельчан Джунигуры принес с собой что-либо съестное. Ну а наливка из черных ягод у хозяйки дома никогда не переводилась. Именно эта наливка буквально приковала Уира Обера к стулу. Он почти не ощущал собственного тела, хотя вроде и выпил не так уж много. Маркасса в этом плане проявила осторожность, ограничившись первым стаканчиком, но обычно бледные ее щеки теперь вовсю полыхали. Как и лица других женщин и мужчин, собравшихся за столом в уютном доме многолетней бессменной руководительницы местного хора. И хотя окна были приоткрыты, в комнате витал специфический запах, присущий пандигиям. Правда, изрядно приправленный разными кулинарными ароматами.

Пребывание Обера и МаркаССы в общине пандигиев на Бриндии затягивалось – гостеприимные горцы никак не желали отпускать однокровцев. Собственно, этой паре и торопиться-то было некуда. Дети дома не плакали, и всякая домашняя живность не ослабевала от голода – по причине отсутствия этой самой живности. А еще у местных потомков представителей некогда могущественной галактической силы Пан сохранилось немало старинных преданий, переходящих из поколения в поколение, а также память о некоторых обрядах, исчезнувших в глубинах веков.

Уир Обер пока ни с кем не делился своими планами, даже с Маркассой. Она считала, что конечная цель их странствий – выявление всех сородичей, проживающих в Межзвездном Союзе, и установление каких-то связей между ними. Обер же заглядывал дальше – он намеревался добиться предоставления всем пандигиям обширных льгот как древнему народу, пострадавшему от убийственного Северного Ветра, что некогда пронесся по множеству миров. И в этом своем намерении он рассчитывал на поддержку Аллатона Диондука – главы силы Пан, одержавшей победу над иргариями и долгое время господствовавшей в Галактике. Но Аллатону Уир Обер тоже пока ничего не говорил.

Уир и Маркасса пришли в дом Джунигуры не только ради плотного обеда и застольных разговоров. В этот морозный день здешние жители намеревались продемонстрировать им стародавний обряд «Юизы Бардазар». Он был связан с огнем и, как поясняли местные, практиковался еще задолго до эпохи галактического противостояния силы Пан и силы Ирг. И хотя во многих пандигиях жила память предков, лишь единицы имели представление об этом обряде. Во всяком случае, таких в горном селении насчитывалось всего двое – пятидесятилетняя улыбающаяся домохозяйка Шулдырин и недавно вышедший на пенсию кряжистый Кечтак.

Все необходимое для проведения обряда седых времен приготовили еще со вчерашнего вечера. Неподалеку от стола стоял на четырех ножках большой белый ящик без передней стенки и с ведущей в приоткрытое окно трубой – как объяснили Уиру и Маркассе, это была печка. Которую нужно топить дровами. Поленья кучкой лежали рядом с ней, и каждый кусок дерева был перевязан красной ленточкой. Никаких других атрибутов для проведения обряда «Юизы Бардазар» не требовалось.

– А ну-ка, Уирчик, за меня!

Маркасса поднесла ложку ко рту Обера, и Уир все-таки нашел в себе силы проглотить кусок студенистой свинтилки – неожиданно острой и соленой. Но весьма вкусной!

– Нет, больше не могу, – отказался он от второй ложки. – Когда же к обряду-то приступать будут?

Уир обращался к Маркассе, но его слова слышали, наверное, все – таким уж зычным голосом обладал уроженец Азеведии.

– Сейчас, сейчас, гости дорогие! – воскликнула кругленькая рыжая Шулдырин, вскочила из-за стола и потянула за собой усатого Кечтака, оторвав его от рюмки.

Они подошли к печке и остановились, повернувшись лицом друг к другу, причем Шулдырин оказалась возле поленьев. Следом за ними потянулись от стола другие женщины и мужчины. Они полукругом выстроились за печкой, их было двенадцать. Шулдырин, нагнувшись, взяла полено, прижала его к пышной груди и взглянула на хозяйку дома. Та уже стояла сбоку от стола. Джунигура повела рукой – и через секунду все двенадцать затянули песню. Негромкую протяжную песню на древнем языке, которую пели в давнюю-предавнюю эпоху.

*Ничьяка мисяч наяс наязо ряна
Вид нохочгол кизби рай
Вий дикоха наяпра цеюзмо рена
Хочнахви линоч кувгай...*

Оставшиеся сидеть за столом сельчане медленно закачали в такт головами и принялись ритмично притопывать. Пока песня лилась по комнате, Шулдырин сняла с полена красную ленточку и протянула ее Кечтаку. Тот неторопливо приблизился, забрал эту полоску и аккуратно положил в печку. Шулдырин же с торжественным видом вручила полено ближайшему певцу. Оно очень неспешно перешло из рук в руки и в итоге оказалось у Кечтака. Под непрекращающееся пение он отправил этот кусок дерева следом за ленточкой. Когда все эти действия были произведены семь раз, песня смолкла, и сидящие за столом прервали свой аккомпанемент. Шулдырин подошла к Кечтаку, поправляющему дрова и ленточки в печке, а певцы гуськом побрели вокруг примитивного устройства для отапливания помещений и приготовления пищи, все громче приговаривая:

– Юизы Бардазар! Юизы Бардазар! Юизы Бардазар!

Наконец Кечтак разжег огонь, шагнул в сторону и замер, простирая к печке разведенные руки, словно намереваясь обнять ее. Шулдырин опустилась на колени и склонила голову, а замолчавшие певцы стали срывая с оставшихся поленьев ленточки и поочередно бросать эти красные полоски в разгорающееся пламя. Дым не только уходил в трубу, но и распространялся по комнате, заглушая все другие запахи.

– Юизы Бардазар! – вновь хором воскликнули певцы. – Юизы, юизы, юизы!

После этих слов Шулдырин поднялась с пола и неторопливо вернулась за стол. Певцы тоже расселись по своим местам, и только Кечтак продолжал возиться у печки. А проворная Джунигура вынула из стенного шкафа еще одну оплетенную бутылку ягодной наливки.

– Интересно, – прогудел Обер, повернув голову к Маркассе. – Жаль, что ни словечка не понял.

– А я сделала перевод! – подала голос с другого конца стола Шулдырин.

– Ой, хочу послушать! – воскликнула Маркасса.

– Может, и не очень точно получилось, но уж как сумела, – сказала Шулдырин извиняющимся тоном. – Да и не все перевела, только кусочек, и кое-какие слова просто по смыслу вставила, потому что не смогла понять того, что в оригинале. Ну и с рифмами проблема...

– Ничего, – тяжело качнул головой Обер. – Главное не рифмы, а содержание. Контекст, или как там это называется.

– Вот именно! – поддержала его Маркасса. – Рифмы – дело такое... Давайте ваш перевод!

Шулдырин встала со стула, огладила руками узорчатое платье, сделала глубокий вдох и заговорила нараспев:

*Было холодным пространство огромное,
Стыло и сердце, и кровь,
Жить было грустно, и песен не пели мы,
И были дни тяжёлы.*

*Сжались боги над нами, несчастными, —
В космосе вспыхнул огонь!
Стало тепло нам, и стали мы счастливы,
И прославляем его.*

*Славься, источник огня благодатного,
Не иссякая, пылай!
Холод не страшен нам, дни стали светлыми,
Счастье течет через край!*

Шулдырин замолчала и залпом выпила рюмку наливки, протянутую ей соседкой по столу.

– Замечательно! – провозгласила Маркасса, обводя всех восторженным взглядом. – Свой взгляд на мироздание!

– Впечатления от вспышки сверхновой? – задумчиво протрубил Уир Обер.

– Там дальше говорится, что это не звезда, – утерев рукавом губы, сказала Шулдырин. – Именно огонь. И одной женщине удалось там побывать во сне. Ну, я так поняла, что во сне. Это целая история, я попозже расскажу.

– А что значит название обряда? – спросил Обер.

– «Славься, огненный источник», – ответила Шулдырин.

– Юизы Бардазар! – с восхищением полупропела Маркасса. По ней все больше было видно, что наливка хорошо действует даже в умеренных дозах. – Уир, надо будет все это непременно записать! Непременно!

Кетчак продолжал подкидывать в печку поленья, а хозяйка дома вновь подливала всем в рюмки из бутылки...

Глава 1. За цветочками

*Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Из стихотворения Темных веков*

Сколько ни рассуждай о важности и пользе совместного участия во всяких там конференциях, клубах по интересам и культпоходах на балет, но никакие мероприятия и в подметки не годятся такой издревле существующей форме взаимоотношений, как коллективное распитие спиртных напитков. Разумеется, когда это распитие сопровождается коллективными же разговорами. И, конечно, немалую роль тут играет состав участников пьянки. Если они интересны друг другу или же всем присутствующим интересны затрагиваемые темы, то каждый во время подобного общения наполнится только положительными эмоциями и основательно взбодрит и возвысит собственную душу. Правда, у совместных возлияний есть и темные стороны, но зачем говорить о грустном? Тем более что ничего отрицательного в выпивончике, организованном в каюте Добрыни Кожемяки, не наблюдалось. Да и собрались тут не случайные любители тяпнуть стаканчик-другой, а очень даже приличные личности: маги-мутанты Аллатон и Хорригор, следователь Шерлок Тумберг, танкисты Дарий Силва и Тангейзер Диони, два командира – фрегата и группы спецназа... Возможно, не совсем вписывался в эту компанию Станис Дасаль – сапиенс с уголовным прошлым, но сейчас он имел статус участника экспедиции и в таком качестве правонарушений еще не совершал. Хотя и доставил своим поведением немало неприятных минут другим участникам посещения планеты Грендель. И уж ни в чем плохом нельзя было упрекнуть последнего присутствующего в каюте – Бенедикта Спинозу. Впрочем, присутствовал там не супертанк собственной персоной, а воздушный разведчик – висел себе под потолком, никому не мешал и не пил ни грамма.

В отличие от капитана Линса Макнери, всегда готового обменять одну из посадочных лап «Пузатика» на ящик коньяка «Арапат», командир фрегата Добрыня Кожемяка отдал бы и весь вверенный ему корабль за бочонок черного рома «Звездный вихрь». Правда, хоть и уважал он этот убойный напиток, однако на службе старался не злоупотреблять. Но таким неординарным случаем просто грех было бы не воспользоваться – кто, как не он, Добрыня Кожемяка, выловил в космосе супертанк с членами экспедиции на Грендель! Причем эти члены на тот момент пребывали уже в весьма высокой степени опьянения, и нужно было их догонять, чтобы общение происходило на одном уровне. Поэтому воздух в командирской каюте быстро пропитался крепким запахом рома.

Итак, команда фрегата готовила корабль к обратному переходу в окрестности Гренделя, где продолжал висеть на околопланетной орбите транспортник Ярилы Мурманского, бойцы спецназа в отсутствие своего командира Ермака Хапсалиса играли в карты на отжимания от пола, а в каюте Кожемяки вовсю шли разговоры вперемишку с поглощением черного рома. Причем командир фрегата, несмотря на весьма субтильную внешность, держался ничуть не хуже накачанного гиганта Хапсалиса. В ходе застолья Аллатон связался с Академией наук и коротко доложил Стимсу Дышкелу о положительном результате экспедиции. Ученый был в восторге и разразился благодарственной речью. И про скрижали истории, куда золотыми буквами будут вписаны имена исследователей, он тоже не забыл. А вот о надбавке за непредвиденные условия работы почему-то промолчал.

Наконец все было рассказано, и пришла пора уточняющих вопросов и обмена мнениями.

– Вам не кажется, что перед вами просто разыгрывали спектакль? – спросил Добрыня Кожемяка, обводя прищуренными глазами размещившихся где попало участников экспедиции на Грендель. – По идее, эта самая Основа должна быть объектом религиозного поклонения,

и никто вас туда ни за что бы не пустил. По-моему, вам подсунили фальшивку, торпеду им в шлюз!

– Как это?! – Хорригор выпятил грудь и даже попытался подняться с табурета, но не смог. – Силы первичные, мы же не слепцы, не дети малые, у нас же опыта столько, что аж зашкаливает! Какая может быть фальшивка?

– Точно, такое никак не проканало бы, – с авторитетным видом кивнул Станис Дасаль. – Это же не лохам туфту впаривать, тут же профи сплошняком, один другого круче!

– Красиво излагаете, мезоном им по трансмиссии! – оценил командир фрегата стиль груйка. – Сразу видно, что из ученых.

– Такая уж у нас, у образованных, феня, – гордо заявил Умелец. – Далеко не каждый поймет.

Шерлок Тумберг тонко усмехнулся. Наверное, он единственный из присутствующих в полной мере оценил это высказывание Дасалья. «Образованными» на блатном жаргоне называли преступников-рецидивистов.

– К сожалению, вынужден с вами не согласиться, господин Кожемяка, – подсевшим от рома голосом произнес Аллатон. – Факты свидетельствуют о том, что сооружение, в котором мы побывали, отнюдь не фальшивка. Отнюдь! Как справедливо заметил Хор, опыта нам не занимать, и провести нас очень сложно. Может, вы еще скажете, что и в прошлое мы не проваливались?

– А и скажу! – заявил Добрыня Кожемяка и зачем-то понюхал свой опорожненный стакан. – Мы тоже какое-никакое образование да получили, и книжки всякие читали. Помните ту историю про специальную кровать? – он наставил руку со стаканом на Аллатона.

– Что за специальная кровать? – поднял брови пандигий.

– А, нет... не кровать, а этот... диван! – поправился командир фрегата. – Прибор в виде дивана, который создавал вымышленную реальность. Ну, какое-то там специальное поле генерировал. Забавная такая история, разряд ему в ускоритель! Может, и с вами что-то подобное случилось.

– Отнюдь! – мотнул головой Аллатон. – Мы с Хором уловили бы любое поле. Любое! Нет, безусловно, Основа – вполне реальное сооружение. Это приемник излучения, приходящего с Можая, и сомнения, в данном случае, неуместны.

– Позвольте вставить несколько слов, господа, – раздался из воздушного разведчика голос Бенедикта Спинозы. – Не совсем скромно себя хвалить, но все-таки скажу, что я в состоянии определить, где реальность, а где иллюзия. На Гренделе мы имели дело именно с реальностью. Включая провал в прошлое. Относительно же заявления о том, что Основа должна быть сакральным объектом, недоступным для посещений посторонними, могу сказать следующее: далеко не всегда и далеко не везде дело обстоит именно так.

– И попробовали бы они нас не пустить, стрелять-попадать! – подхватил Дарий Силва. – Кто-то будет рыпаться, когда перед ним супертанк, а над головой боевой корабль?

– О, я то же самое хотел сказать! – восторженно воскликнул командир группы спецназа, все это время исправно вливавший в себя ром. – Любая просьба приобретает особую убедительность, если сопровождается демонстрацией силы.

– Аф... аф-фористично! – нетрезво запинаясь, оценил Тангейзер. Хоть Дарий за ним и старался приглядывать, но, вероятно, Тангейзера пьянил сам воздух, насыщенный алкоголем.

– Ладно, пусть не фальшивка, – пошел на попятную Кожемяка и пригладил волосы ладонью, смоченной ромом. – Тогда возьмем другой аспект: почему эти аборигены грендельские такие прибацанные? Потому что созданы искусственным путем? Или местная экология повлияла? – задавая эти вопросы, он машинально вытирал руку о свой темно-фиолетовый китель.

– Это уже из области философии, – веско покачал головой Аллатон. Создавалось такое впечатление, что ему с каждой минутой становится все тяжелее держать ее прямо. – Рождается

ли индивидуум уже с определенным набором качеств или же они формируются в процессе воспитания?.. Не думаю, что мы прямо вот здесь и сейчас сможем найти ответ. Тут изучать надо. Кстати, может получится интересный проект: исследователь внедряется в нигдянское общество и наблюдает его изнутри. А заодно и за Основой присматривает. Надо будет предложить Дышкелу.

– Рискованное дело, – вдумчиво заметил Шерлок Тумберг, поглаживая усики.

– Не советую – съедят! – почти одновременно с ним подал голос Спиноза. – Это цитата, и я с ней согласен – применительно к нашему случаю. Мог бы привести конкретные примеры, но не буду.

– Кое о чем слышали, рашпиль им в фазу, – пробормотал Кожемяка и налил себе еще. – Все равно не понимаю: ну откуда такая утыренность у этих нигдян? Ни в какое сопло не лезет!

– Это только с нашей точки зрения утыренность, а для них – норма, – поднял на него абсолютно трезвый взгляд спецназовец Хапсалис. – Все относительно, господин полковник. Мы для них тоже утыренные. И вообще, у каждого народа свои причуды. И еще многое зависит от понимания. Вот мне один приятель не так давно рассказывал, из двенадцатой группы быстрого реагирования. Возвращались они с маневров, года три тому назад... или четыре... Точно, четыре! Их тогда приписали к восьмому отряду, ну, вы в курсе, господин полковник. Зашли на Акпому почиститься, смазки добавить. Кое-кому дали в увал сходить, чтоб музеи местные посетили, театры... Ну, сидит этот приятель в каба... э-э... в музее, выпива... э-э... статуи рассматривает и прочие экспонаты, а там еще один какой-то, грустный, тоже набрал бухла... то есть... ну... Короче, разговорились они, и тот рассказал свою историю. Прибыл он на Акпому с бригадой, типа, – помочь какому-то местному племени насчет овощеводства. А конкретно – помидоры разводить. Земля, говорит, у них отменная, то что надо для помидоров, река рядом и прочие дела – выращивай на продажу и процветай. Привезли семена, разрекламировали это дело, но аборигены как-то без энтузиазма. Они почему-то вообще сельским хозяйством не занимались – только рыбу ловили и тому подобное. Тогда эти волонтеры сами за работу взялись. Сажали, поливали, с сорняками боролись, с грызунами всякими и прочими вредителями. Помидоры выросли замечательные, осталось только собрать. – Хапсалис сделал паузу и отхлебнул из стакана. – А ночью из реки вылезли какие-то здоровенные звери и все сожрали. Подчистую! Волонтеры к местным: так, мол, растак, кто это? А те говорят: вот поэтому мы тут ничего и не выращиваем. Волонтеры в шоке: почему же нам ничего не сказали? А аборигены им спокойненько так: а вы, мол, и не спрашивали. – Спецназовец допил ром и оглядел присутствующих. – Вот я и говорю: тут еще и от понимания многое зависит.

– Прикольно, в натуре, – охарактеризовал повествование Хапсалиса Станис Дасаль. – Облажались ффраерки на понтах.

– С нигдянами ситуация другая, – выдавил из себя Шерлок Тумберг, чувствуя, что в голове у него все больше сгущается туман. Ром подействовал с неожиданной силой, а принимать гаситель было уже поздно. – Они свою позицию обозначили достаточно четко. Но вот то, что Основа осталась под их контролем, лично у меня вызывает опасения, и я эти опасения уже высказывал. Это угроза нашему существованию. Пусть потенциальная, но угроза.

– Да какая там угроза! – махнул рукой Тангейзер, забыв, что держит стакан, и ром выплеснулся на стол, прямо на остатки закуски. – Кар-рабарас, я нечаянно!

– Э, мазута, а ну не разбрасываться полезными напитками! – нахмурился командир фрегата. – Которые, между прочим, и в качестве горючки подходят, когда совсем уж прижмет.

– Я нечаянно, гос... господин полковник... – виновато промямлил Тангейзер и сник, чувствуя на себе тяжелый взгляд Дария. – Ром у вас уж больно забористый.

– Другого не держим, – отрезал Кожемяка и всем своим небольшим, но ладным телом повернулся к Шерлоку. – Согласен с вами. Высадить десант возле Основы, занять позиции по периметру и никого туда не пускать – вот мое мнение. Создать там постоянную базу – и

чтоб и муха не пролетела, фотон им в индуктор! Это не шутки шутить, это беспрецедентно важный объект, и рассусоливать тут мы просто не имеем права! Если уж по большому счету, господа, то мы обязаны, возвратившись к этому Гренделю, висеть там, пока руководство не решит вопрос о десанте. Это наш долг, в конце концов, фугас им в дышло! Хотя, конечно, тут я попер впереди паровоза, – осадил он сам себя. – Верхам виднее, пусть решают, а наша задача – выполнять приказы.

– Да не будут эти малахольные дергаться, – убежденно произнес Умелец. – Это я как консультант говорю. И отвечаю за базар!

– Ладно, главное – все живы и здоровы, – констатировал командир фрегата и вновь наполнил свой стакан. – И за это нужно выпить!

От слов он сразу перешел к делу, но его примеру последовал только Ермак Хапсалис.

– Господа, вам что, не нравится ром? – удивился Кожемяка. – Почему сидите вхолостую?

– Мы же до этого водку пили, – объяснил Аллатон. – У танкистов нашлась. Так что уже вроде и не лезет.

– Водку! – усмехнулся командир фрегата. – Узнаю мазуту по напиткам. Неплохая, конечно, вещь, спору нет, но согласитесь: против рома выглядит бледновато.

*И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева,
А снится нам большая бочка рома —
Ведь ром всему, конечно, голова!*

Разумеется, это продекламировал Бенедикт Спиноза. Даже не продекламировал, а пропел, причем голос у него теперь был странноватый, расхлябанный. Создавалось такое впечатление, что черный ром «Звездный вихрь» каким-то образом – неужели через диск воздушного разведчика? – просочился в квазиинтеллектуальную систему танка и слегка одурманил ее.

– Помню такую песню, – кивнул Кожемяка. – Хорошая песня! Только слова там немного другие были. И еще одна поправка: ром нам не снится, ром у нас, к счастью, присутствует наяву!

Поникший Хорригор икнул, и этот звук слился с треньканьем сигнала внутренней связи. Кожемяка, перебирая ногами по полу, вместе с креслом подъехал к настенному комму. На экране возникло лицо бортинженера, и лицо это было озабоченным, виноватым и сердитым одновременно. А когда бортинженер увидел уставленный бутылками стол за неширокой спиной Кожемяки, то ко всему названному добавилась и зависть. И легкий штрих обиды. Правда, и зависть, и обиду подчиненный Кожемяки немедленно с лица убрал.

– Командир, у нас проблема.

Фраза хоть и была традиционной, но все равно звучала зловеще, намекая на неприятности – и хорошо, если не крупные.

– А теперь что стряслось? – нахмурился Кожемяка.

Он сформулировал вопрос именно таким образом, потому что одна проблема уже была: перед самым началом перехода в эту планетную систему забарахлил кривошипный барабан-редуктор стабилизирующего контура – очень важная деталь бортового хозяйства. Можно сказать, системообразующая. Собственно, из-за этого-то и затягивался уход фрегата обратно к Гренделю. Пока корабль дрейфовал в окрестностях второй от местного светила планеты, бортинженер и техники занимались установкой запасного редуктора – а дело это было долгое, хлопотное и кропотливое.

– Оказывается, запаска-то у нас бэушная, и чуть ли не каждая пятая ячейка на грани допуска, – придушенным голосом сообщил бортинженер, продолжая поглядывать на бутылки. – Сейчас тестируем...

– Боеголовкой им по сопатке! – вскричал Добрыня Кожемяка и с размаху врезал кулаком по переборке. – Кто запаску принимал, Гриша? Ты принимал, дифферент твою абляцию?!

– Так точно, господин полковник, – мрачно ответил бортинженер. – Но расписывался я за свежак, а не за бэ-у. И все было опломбировано, как положено. Разве проверишь? Сами знаете, госпо...

– Да знаю, знаю! – раздраженно прервал подчиненного командир фрегата и левой рукой потер костяшки пальцев правой. – Поставщикам такие фокусы ни к чему... значит – кто? – Он с прищуром уставился на бортинженера. – Да?

– Именно, господин полковник, – кивнул бортинженер.

– Ну, болтом по голове... – процедил Кожемяка. – Он доиграется, я это дело так не оставляю. Сегодня редуктор бэушный, а завтра вместо опорника унитаза разбитый подсунет? Вот вернемся, и я с ним крепко поговорю! – Он с силой поскреб щеку и, помолчав немного, резко спросил: – Таблицы смотрел? Зазор есть?

– Есть, господин полковник, – вновь кивнул бортинженер. – Отрегенерируем, если что. Только по времени и по объему мраки сплошные... Это же каждую ячейку надо раком ставить и мантулить до упора.

– А вот лирики не надо, Гриша! – отрубил командир фрегата. – Лирику Пушкину оставь. Задача решается, и это главное. А уж кого вы там и как будете ставить – ваши проблемы. Ресурсы есть, желание и умение есть, время не поджидает, противник не атакует, так что вперед и с песней! Сутки, двое, трое – сколько нужно, но бэушку до ума доведите. На соплях назад не пойдем, мы как-никак военный флот, а не развозчики пиццы. Посыплется одна ячейка, другая, а там повалит по нарастающей, сам знаешь. Так что, Григорий, отрабатывай каждую, и не через пень-колоду, а с полной ответственностью. Вопросы есть? Вопросов нет.

Судя по кислой физиономии бортинженера и тем взглядам, которые он бросал на стол, вопросы у него были. Однако они так и остались невысказанными.

Вся собравшаяся в каюте компания слушала этот разговор молча и стаканами не стучала. Точнее, слушала не вся компания – Хорригор уже похрапывал, прислонившись спиной к переборке. Когда экран комм погас и командир фрегата вернулся к столу, Дарий с понимающим видом спросил – нет, даже не спросил, а констатировал:

– Нажгли на комплектующих. Знакомая история, стрелять-попадать!

– А! – скривившись, досадливо повел рукой Кожемяка. – Только и слышно: нещадно бороться, искоренять каленой метлой и поганим железом, рубить наотмашь, под корень! А на деле? А на деле – никаких мер! Вон, Миша Билич в прошлом году поковылял на патрулирование с бэушным поршнем... И что в итоге? А в итоге – стопорнул в зоне знаем какой, но не скажем и получил кучу неприятностей. Нам это надо? Нам это не надо. А потому будем тут болтаться, пока редуктор не отладим. Наслаждайтесь, господа, тишиной, обзоревайте окружающие пейзажи. Кстати, тут планета неподалеку, можно и на нее полюбоваться. Опять же, в картишки, если у кого душа лежит. Или заняться самообразованием...

– Планета! – дернулся Тангейзер. – А можно... ик!.. эк!.. ик!.. экскурсию туда организовать? И для науки... ик!.. польза, и нам развлечение.

– Экскурсию? – оторопело вытаращился на него командир фрегата.

– Ну да, господин полковни... ик! – невозмутимо подтвердил Тангейзер. – Именно экскурсию, а не пикни... ик! И не на шашлы... ик! А просто походить по травке, проветриться, цветочков нарвать...

– Планета земного типа, – сообщил Спиноза, успев заглянуть в свои базы данных. – В плане Службы дальней разведки на будущий год не упоминается.

– Вот! – с энтузиазмом воскликнул Тангейзер. – Посодействуем разведчи... ик!.. разведчикам!

– А что, парень по делу базарит! – оживился Станис Дасаль. – Может, там курганы какие или пирамиды...

– Кому что, а курице просо, – усмехнулся Шерлок. – Придется мне с вами отправиться, иначе вы, Дасаль, эти пирамиды по камешку разнесете.

– Исключительно в интересах науки, как главный консультант! – с важным видом заявил Умелец.

– Вот что значит молодость, – задумчиво произнес Аллатон и покосился на спящего Хорригора. – Все бы ей бродить, искать приключений... А мне бы лучше поспать, что-то у меня голова кружится.

– И я бы не прочь ухо придавить минут на шестьсот, – поддержал его Дарий. – Самые замечательные экскурсии совершаются во сне!

– Странная позиция, – пробормотал Тангейзер. – Совсем рядом неизвестная планета, есть возможность побывать на ней... цветочков нарвать... букет... ик!.. Не понимаю...

– О какой возможности идет речь? – наконец недоуменно осведомился командир фрегата. – Вы всерьез считаете, что я без нужды погоню куда-то там вверенный мне боевой корабль, да еще и в процессе ремонтно-восстановительных работ?

– А корабль никуда гнать и не надо, господин полковник, – расслабленно и добродушно ответил командир группы спецназа. – Есть же «будка», ей же по-любому надо ресурс вырабатывать. А водителем я Хельмута отправлю, это ему для отработки навыков будет самое то!

– Э, что еще за будка? – насторожился Умелец. – Ни в какие будки я не полезу, в натуре!

– «Будка», то есть БДК – это боевой десантный катер, – снисходительно усмехнувшись невежеству штатского, объяснил спецназовец Ермак Хапсалис. – Не яхта, конечно, по уровню комфорта, и не дальник, но вполне приличная транспортная единица. Во всяком случае, мы не жалуемся. Скорость весьма и весьма, запас хода тоже, четыре движка, боевой модуль, защита... Думаю, получите удовольствие. Я бы и сам прокатился, но не та ситуация.

– Короче, не автозак, – успокоенно сформулировал Умелец. – Надеюсь, я прикид там не зашкварю? – он любовно огладил свою пеструю рубаху.

– Экскурсия, говорите? – на лице командира фрегата было написано сомнение.

– В интересах науки... ик!.. – быстренько внес уточнение Тангейзер.

Кожемяка в размышлении поднял свой стакан, медленно покрутил его в руке, рассматривая на свет содержимое, – однако сквозь черный ром не проникало ни единого фотона.

– Могут случиться интересные находки, – вкрадчиво сказал Умелец. – И тут же во всех СМИ, по всему Союзу: «При содействии командира такого-то, организатора экспедиции, наука обогатилась тем-то и тем-то».

– Тем-то и тем-то, – с расстановкой повторил Кожемяка, словно пробуя эти слова на вкус. – Пока, значит, техники возятся с редуктором...

– И торжественный прием в Академии наук, – продолжал искушать Дасаль.

– Прием в Академии... – зачарованно продублировал командир фрегата. – Ладно, будет вам экскурсия. Только сначала еще по одной!

– Я бы тоже не отказался поучаствовать, – дал знать о себе Спиноза.

– Нет, не получится, – помотал головой спецназовец Хапсалис. – «Будка» не предназначена для транспортировки таких габаритных... э-э... Короче, невпихуемо.

– Мне вовсе незачем ломиться на борт катера, – возразил супертанк. – Просто Тангейзер может захватить с собой воздушный разведчик.

– А вот этого не надо, – отрицательно поводит пальцем Дарий. – Не будем разбрасываться нашим оборудованием. Еще потеряется, и кому ответ держать? Я из своего кармана платить не намерен, у меня карманы не для того. И потом, что ты там рассчитываешь увидеть такого-этакого, Бенедикт? Обычная планета, тысячи их! Так что не дергайся. Это приказ.

– Слушаюсь, командир, – покорно промолвил Спиноза.

– Вот и молодец, – закрыл тему Дарий и протяжно зевнул.

«С опасностью вывихнуть челюсть», – мог бы процитировать многознающий супертанк, но не стал.

...Времени на подготовку катера к полету ушло немного. Изрядно разогретые ромом участники экскурсии – а это были Тангейзер, Умелец и Шерлок – заняли места в отсеке, отделенном от кабины прозрачной переборкой, и долговязый спецназовец Хельмут Балдис вывел «будку» из ангара в открытый космос. Точнее, она вылетела без его помощи, получив пинок в корму ангарным толкателем. А на борту фрегата Аллатон с помощью Дария Силвы увел (а скорее – унес) Хорригора и вместе с ним завалился спать в отведенной Добрыней Кожемякой каюте. Силва же, преодолевая себя, добрал до трюма, где стоял Спиноза, и забрался в танк. Его организм, непривычный к экзотическому для Флоризеи черному рому «Звездный вихрь», наотрез отказывался пребывать в рабочем состоянии, и Дарий отключился, все-таки успев в буквальном смысле слова доползти до своего кресла. Спиноза, не оценив самочувствие танкиста, попытался завести с ним разговор об особенностях стиля булайских поэтов эпохи Ла-буте (возможно, в отместку за запретительный приказ командира), но в конце концов замолчал и погрузился в перечитывание Алькора.

В этот раз Бенедикта особенно привлекло короткое стихотворение писателя Темных веков, и он вновь и вновь повторял про себя замечательные строки, пытаясь до конца уяснить их глубину и потаенный смысл. И хоть единственный потенциальный слушатель похрапывал, развалившись в кресле, Спиноза все-таки с чувством продекламировал это стихотворение, заворачиваясь самым его звучанием:

*Вдруг НЛО подлетел,
Тихо завис у окна...
Я плюнул и захотел
Сказать им: «Пошли вы на...»*

*Больше с тех пор не садятся.
Не беспокойся, страна!
Всё удивляются: «Братцы,
Что значит: «Пошли вы на?...»»*

Дарий перестал храпеть, пожевал губами и пробормотал, не открывая глаз:

– Бенедикт, не ругайся... Веди себя прилично...

– Это не ругань, это поэзия, – с придыханием произнес бронеход. – Очаровательная поэзия! Алькор!

– Ну, если это поэзия, тогда пошел ты на, родной, – промямлил Силва и вновь провалился в сон.

Никакого снаряжения экскурсанты с собой не взяли, разве что Тумберг прихватил свою неизменную сумку. Одет он был все в тот же синий с продольными черными полосками свитер и джинсы и надеялся на то, что планета не встретит их трескучим морозом. Правда, поглощенный ром давал такую температуру, что следователь чуть ли не горел изнутри. Тангейзер был в форменном комбинезоне, а Умелец – в коротких брюках и разноцветной рубашке. Видать, изрядно надоели ему блеклые краски пенитенциарных учреждений, где он провел не самую лучшую часть своей непутевой жизни. Спецназовец же Хельмут Балдис был облачен в костюм-хамелеон.

Когда катер отнесло от борта фрегата на полкилометра, Хельмут протянул руку к панели управления, намереваясь включить двигатели. Но его остановил донесшийся сзади, из-за переборки, расхлябанный от выпитого, но громкий голос Умельца:

– погоди, шеф! Вон, слева прибабас какой-то болтается!

Хельмут Балдис взглянул на обзорный экран, и пальцы его так и не добрались до нужного места. В пронизанном лучами здешней звезды космическом просторе плыл наперерез катеру какой-то поблескивающий объект. Хельмут на всякий случай скосил глаза на панель, хотя и знал, что защита включена. И никакое метеорное тело пробить ее не смогло бы. Он увеличил картинку, так что серебристый объект заполнил собой добрую четверть экрана, и по ушам ему болезненно ударил вопль Тангейзера. Тот уже задремал было на лавке, прикрепленной к внутренней обшивке, но слова Дасалья заставили его вновь приобщиться к реальности.

– Переключатель! Это же наш переключатель!

Спецназовец, понятное дело, решил, что этот танкист-пассажир несет какую-то пьяную пургу. Но раздавшиеся вслед за воплем Тангейзера слова динтинского следователя, хоть и нетрезвого, но по-прежнему рассудительного, заставили его изменить свое мнение.

– Очень похоже, – твердо сказал Шерлок, сквозь переборку вглядываясь в экран. – Вот он и нашелся.

– В натуре! – подтвердил Дасаль. – Шеф, хватай его!

Хельмут Балдис продолжал озадаченно смотреть на приближающийся к катеру параллелепипед, похожий на фляжку.

– Не очкуй, шеф, не взорвется, – заверил его Умелец. – Это же не граната.

Спецназовец вместе с креслом повернулся от экрана и посмотрел на пассажиров. Они уже не сидели на лавке, а стояли возле самой перегородки (гравитер создавал нормальное поле тяготения) и, кажется, были вполне вменяемыми.

– Это деталь, пропавшая из кармана господина Аллатона, мага, – пояснил Хельмуту Шерлок. – Уникальная деталь, поэтому хорошо бы ее выловить. Есть у вас такая возможность?

– Н-ну... сейчас попробую, – неуверенно ответил Балдис. И опасливо добавил: – А точно не взорвется?

– Не взорвется, век воли не видать! – горячо поклялся Дасаль.

– Уж лучше видать, – пробормотал спецназовец и развернулся назад к экрану. – Сейчас цепану ее лапой, ага.

Он начал что-то там делать на приборной панели, и из-под пола отсека донеслись стуки и протяжный скрип. На экране появилась дымчатая от мгновенно замерзшей смазки клешня манипулятора и, раздвигаясь, устремилась к детали сооружения древних свамов. Не сразу, но схватила серебристую штуковину и втянулась в борт катера. Под ногами у пассажиров вновь застучало и заскрипело.

– Попался, борзый! – удовлетворенно констатировал Умелец.

– Эй, что у вас случилось? – раздался из динамика голос командира фрегата. – Что вы там ловите, мю-мезон твою эскадру? Консультант ботинок потерял, что ли?

– Нет, это вверенная вам лоханка рассыпается от хорошего обращения, деталями сорит! – вскричал уязвленный Дасаль. – А мы подбираем!

– Все в порядке, господин полковник, – поспешно доложил Хельмут Балдис. – Просто обнаружили кое-какое имущество этого... мага, что в зеленой хламиде.

– Значит, это не мы деталями сорим, а маг, – язвительно произнес Добрыня Кожемяка. – А консультант вводит в заблуждение. Рома он больше не получит.

– Не очень-то и хотелось, – буркнул Дасаль, и Кожемяка услышал его.

– Даже если и очень захочется, – стальным голосом сказал он, – то хотелки эти так хотелками и останутся. Ладно, давайте, стартуйте. Конец связи.

– Нужен мне твой ром, – попытался оставить за собой последнее слово Умелец. – От ваксы твоей гнилой только шайбу метать.

– Прекратите, Дасаль! – поморщился Шерлок Тумберг. – Вы же все-таки член научной экспедиции. Фильтруйте базар!

– Ого! – с уважением сказал груйк и умолк.

– У вас там сзади люк, – спецназовец повернулся и показал пальцем. – Открывайте и забирайте свою потерю, ага?

Этим занялся Шерлок. Потянув за кольцо, он поднял крышку, встал на колени и запустил руку в логово манипулятора. Достал переключатель, осмотрел его и убежденно кивнул:

– Точно, он самый.

– Сто процентов! – подтвердил Тангейзер и, задержав дыхание, подавил икоту.

– И как это его сюда занесло? – спросил Дасаль. И сам же ответил, повторив слова супер-танка Бенедикта Спинозы: – Время – штука тонкая, да... Начнешь голову ломать – и с катушек слетишь.

– Поэтому лучше не ломать, – усмехнулся Шерлок и спрятал переключатель в сумку. – Во всяком случае, сейчас.

– Вы бы сели, – посоветовал спецназовец. – Сейчас разгоняться начну.

Пассажиры вновь разместились на лавке, и катер, дернувшись, помчался по космическим просторам. Вскоре громада фрегата превратилась в искорку и затерялась среди звезд.

Тангейзер ворочался на лавке, пытаясь добиться оптимального для сна сидячего положения тела, но у него ничего не получалось. Наконец он просто лег на бок, подложил руки под щеку, поджал ноги и вырубился. Следователь тоже намеревался вздремнуть, дабы хоть немного освежить мозги, но Дасаль нарушил его планы. Груйк подсел поближе и попросил:

– Начальник, дайте цапку в руках подержать.

– В смысле, переключатель?

– Ну да. Красивая вещица, высоко-, понимаешь, художественная. Как говорится, все смотрел бы, все смотрел бы, все смотрел бы на нее б...

Тумберг, усмехнувшись, достал из сумки изделие свамов и протянул Умельцу. Тот бережно взял переключатель и принялся рассматривать его узоры и любовно оглаживать пальцами непонятные разновеликие бугорки.

– Красивая вещица, – повторил Дасаль. – Знаю я таких коллекционеров, кто за нее отвалит столько, сколько вам, начальник, и за всю жизнь не заработать. Отвечаю!

Шерлок покосился сначала на груйку, потом на переключатель и задумчиво произнес:

– Трудно мне понять коллекционеров. Платить уйму денег за какой-нибудь древний горшок, чтобы в одиночку им любоваться. Нет, с точки зрения психологии, объяснить можно: вот, мол, ни у кого нет, а у меня есть... И я не сомневаюсь, что, разглядывая этот горшок, коллекционер получает истинное наслаждение... Но все равно есть в этом какая-то неправильность.

– Неправильность... правильность... – пробормотал Умелец, продолжая голубить старинное изделие. – Это вы просто ничего не коллекционировали. Они, конечно, народ специфический, но без них мир был бы не тот.

Тумберг иронично изогнул бровь:

– А вот вас я понимаю, Дасаль. Понимаю, о чем вы. Кто-то коллекционирует, а кто-то покушается на коллекции. Ну, или на отдельные предметы.

– Да что такое, начальник?! – с оскорбленным видом отстранился от Шерлока груйк. – По-моему, я не под следствием, и все эти намеки мне неприятны. Они порочат мою репутацию, бросают на нее тень, оставляют на ней пятна! А мне потом отмываться!

– Ладно, – сказал Шерлок. – Это я так, между прочим. Очень хочу верить, что вы наконец встали на правильный путь. – Он вновь взглянул на переключатель, который неустанно ласкали руки Дасалья. – Это вы очень точно отметили: коллекционеры – народ специфический. А кое-кто вообще из ряда вон... Об Ильине слышали? Был такой коллекционер в Темные века...

– Меня больше современные интересуют, – осклабился Дасаль. И тут же уточнил: – В смысле чистой эстетики, естественно. А что там с этим Ильиным? Трупы за собой оставлял ради пополнения коллекции? Так на то и Темные века...

– Дело в другом, – ответил Тумберг. – У него была одна из крупнейших частных коллекций того времени. Кстати, жил он в Лисавете, только тогда город по-другому назывался. Чего он только не насобирали: старинные книги, монеты, ювелирные изделия, картины... Залежи, Дасаль, целые залежи! Сваливал все в кучу, никакого учета не вел, все там гнило... Были случаи, когда покупал второй экземпляр редкой книги, забыв, что она у него уже есть. То есть приобретал ради самого процесса приобретения, и приобретенная вещь больше его не интересовала. По-моему, это уже что-то из области психиатрии...

– Наверное, – согласился уроженец Макастрии. – Эх, меня там не было! Я бы уж сумел распорядиться таким богатством...

– Не сомневаюсь, – усмехнулся следователь.

– Опять вы свои намеки! – обиженно воскликнул Дасаль. – А может, я в музей это все отдал бы! За символическую плату. Чтоб народ, значит, любовался культурными ценностями.

– Считайте, что я вам поверил, – примирительно сказал Тумберг. – А коллекция Ильина сейчас именно в музее и находится. В том же Лисавете. Правда, теперь она поменьше, чем в Темные века – кое-что словно испарилось. Наверное, кто-то хорошо постарался...

Умелец, явно что-то прикидывая, ухватился за подбородок и прошепелявил как бы про себя:

– Да уж, из музея цапки уводить – дело слож... – он осекся и бросил взгляд на Шерлока. – Я говорю, правильно, что все в музей пошло. Для всеобщего обозрения. Не то что эти коллекционеры – запрут на все замки и разглядывают в одиночку, как вы совершенно справедливо отметили. Индивидуалисты, в натуре! Затырщики! Как это можно – прятать красоту от народа? Ведь еще кто-то из древних говорил: «Искусство принадлежит народу». А они? Сидят и наслаждаются втихаря! Тихушники! Не-ет, правильно я этого Цукана оприходо... – он опять оборвал себя и с опаской взглянул на следователя, понимая, что только что признался в разбойном нападении на динтинского коллекционера.

Впрочем, Тумберг протокол не вел и никак не мог использовать это нечаянное признание.

– Ствол так часто чистить нельзя, – довольно внятно произнес Тангейзер, повернулся на другой бок и опять засвистел носом.

– Вот слушаю я вас, Дасаль, – медленно начал Шерлок, – и задаю себе вопрос: бывает, вообще, такое, чтобы вы не работали на публику?

Умелец перестал гладить переключатель, выпрямился на лавке и устремил на следователя серьезный, хотя и нетрезвый взгляд.

– Бывает, – сказал он, понизив голос. – И сейчас как раз такой случай. Вот смотрите, начальник, какой расклад получается. – Он мельком посмотрел на занятого своими делами спецназовца, сидящего у панели управления, и вновь повернулся к Тумбергу. – Переключатель этот пропал, когда мы из прошлого вернулись, так?

– Ну так, – кивнул Шерлок, осторожно потирая виски и еще не понимая, куда клонит Умелец.

– О том, что он нашелся, знаем только мы четверо. Танкистик крепко вмазанный, проснется – и не вспомнит. Этому, – груик повел головой в сторону Хельмута Балдиса, – по барабану, что мы там нашли. Уж во всяком случае, магам он докладывать не будет. Значит, цапка эта теперь наша с вами. Моя и ваша. Я знаю, кому ее можно будет сбыть, бабло пополам. Как вам такая схема, начальник?

Тумберг сидел, сжав голову руками, и молча смотрел на груика.

– Лады, вам шестьдесят процентов, мне сорок, – по-своему истолковал это молчание Дасаль. – Хотя это будет и не по справедливости. Но мне для вас десятки не жалко.

Следователь, продолжая молчать, требовательно протянул руку к детали машины свамов. Умелец, поколебавшись немного, с протяжным вздохом отдал переключатель. Шерлок убрал его в сумку и жестким голосом произнес:

– Считайте, что вы ничего не говорили, а я ничего не слышал.

Груйк оттопырил и без того выпяченную нижнюю губу и заявил:

– С юмором что-то у вас не очень, начальник. Я же пошутил!

– Послушайте, Дасаль, – поморщился Тумберг, – давайте закончим с разговорами. Юмор ваш я понял и оценил, причем отрицательно, а теперь хочу подремать.

– Умолкаю, – с угрюмым видом развел руками Умелец.

Шерлок прислонился спиной к обшивке и закрыл глаза. Никакого движения не ощущалось, но следователю казалось, что катер беспрестанно раскачивается на волнах – ром продолжал делать свое алкогольное дело.

«Не нужно было столько пить... – уныло подумал Тумберг. Но тут же подбодрил себя: – Ничего, все, что нас не губит, делает нас крепче. Ром не погубил меня, а значит, я стал крепче... И получается, что именно благодаря рому!»

Дасаль некоторое время сидел, то и дело бросая алчные взгляды на сумку следователя, в глубинах которой исчезла суперраритетная вещь, а потом глубоко вздохнул и тоже закрыл глаза. И пробормотал напоследок:

– Не хватает вам практичности, начальник. Потом спохватитесь, да уже поздно будет.

Если Шерлок Тумберг и услышал эти слова, то ничем это не показал.

Минут через сорок на связь вновь вышел командир фрегата.

– Что там у вас? – осведомился он совершенно трезвым голосом, разве что делая паузы между словами. – Мимо не промахнетесь?

– Да не должны, господин полковник, – деловито ответил спецназовец. – Все штатно.

– Вы там не очень разгуливайтесь, – предупредил Добрыня Кожемяка. – Вышли, ноги размяли – и назад. И не мусорите там, берегите природу, фугасом ее в трюм.

– Обязательно побережем, господин полковник, – проникновенно заверил Хельмут Балдис. – Я за природу, господин полковник, кому хочешь нос сломаю и ноги выдерну, ага.

– И это правильно, – одобрил Кожемяка. – Огонь там не разводить, нужду не справлять.

– Да ни за что! – спецназовец прижал руки к груди. – Если припрет, то под себя схожу, господин полковник, но природу сберегу!

– А вот шутки со старшими по званию шутить не надо, – переменял тон командир фрегата. – Да, тут еще этот... говорящий танк просил передать следователю: пусть с консультанта, с господина Дасалья, глаз не сводит. Видно, очень ценный специалист, коль о нем так заботятся.

– Я слышу, – громко сказал Тумберг, открыв глаза. – Передайте говорящему танку, чтоб не беспокоился: я обеспечу господину Дасалю надлежащий режим пребывания на планете.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Кожемяка. – Конец связи.

– У меня от слова «режим» враз настроение портится, – проворчал Дасаль. – Режим пребывания, режим содержания... Неужели нельзя просто сказать: «Я сделаю все для того, чтобы господин консультант чувствовал себя комфортно»? А то прям казенщина какая-то получается.

– Чего еще изволите, господин консультант? – прохладным тоном, в котором, тем не менее, сквозил сарказм, осведомился Шерлок. – Может, с вами вообще стихами изъясняться?

Умелец хотел было что-то ответить, но тут Тангейзер вновь начал ворочаться на лавке. И делал это так неудачно, что упал на пол. Однако, надо отдать ему должное, сразу вскочил на ноги и принялся вертеть головой, явно намереваясь вписаться в реальность и сообразить, что нужно предпринять. Тумберг и Дасаль молча наблюдали за ним.

– Ф-фу-ух!.. – Тангейзер облегченно опустился на лавку и обеими ладонями с силой потер лоб, словно намереваясь стесать его. – Карабарас! Приснилось, что я в казарме, на Пятке, и Бундер объявил подъем...

– Не отпускает прошлое, – заметил Шерлок. – Хорошо, что лавка низкая, а то так и сотрясение мозга можно заработать. Или отбить себе что-нибудь.

– Я когда-то в детстве так упал с кровати, – сказал танкист. – Только еще затылком ударился. И не после пьянки, конечно, мне всего-то лет семь было или восемь. И, помню, стал нести какую-то ахинею... – Тангейзер обвел взглядом слушателей. – То есть это я тогда думал, что несу ахинею, а теперь-то знаю: это генетическая память врубилась, и я заговорил на языке предков. Мама тогда здорово испугалась...

Спецназовец повернулся от панели и с любопытством слушал танкиста.

– Ты что, в натуре все помнишь? – с интересом спросил Дасаль.

– Да ничего я не помню, – ответил Тангейзер. – Вот Уир, тот да, помнит. Правда, не все. А у меня так – прорвалось разок и закрылось.

– Это, наверное, интересно – помнить то, что видели, слышали, ощущали и переживали твои предки, – теребя усики, сказал Шерлок. – Натуральное, так сказать, прошлое. В натуре. – Он покосился на груйка.

– И что же тут хорошего? – возразил тот. – Твой предок кого-то там замочил пятьсот лет назад, а у тебя все это перед глазами. А если он крови пролил немерено? Оно мне надо, такое счастье?

– У господина консультанта весьма специфический взгляд на вещи, – произнес в пространство Тумберг. – Жизнь наложила свой отпечаток. Но далеко не у всех отпечатки именно такие.

– И что вы ко мне все время цепляетесь? – надулся груйк. – Намеки постоянно какие-то... А я ведь, между прочим, не козявка какая-нибудь, не пыль Вселенной, а индивидуум, личность! Я, между прочим, в строительном колледже учился!

– И потом прошел еще кое-какие университеты, – добавил Шерлок. – Правда, дипломов там не дают.

– Ну вот, опять! – хлопнул себя по коленям Умелец. – Если у вас такое ко мне отношение, то зачем вы потянули меня в эту экспедицию?

От такого вопроса у следователя аж глаза на лоб полезли.

– Потянул? Я вас потянул, Дасаль?!

– Ну, неважно! – отмахнулся груйк. – Важно другое. Я, конечно, понимаю, что добрые дела других забываются быстро... но не настолько же быстро! Я ведь вам этого «черного археолога» на блюдечке преподнес, вы за него всякие бонусы получите, а я от вас даже бутылки не дождался, не говоря уж о чем-то более существенном.

«А ведь в этом он прав, – признался себе Шерлок. – Спасибо-то я ему и не сказал. И вообще не отблагодарил».

– Бутылку я вам ставить не буду, Дасаль, – произнес он. – Не в моих это правилах. А вот о вашей роли в задержании правонарушителя обязательно доложу, и вас непременно поощрят. А от меня лично – большое спасибо за содействие правоохранительным органам.

– Слышал, танкист? – расцвел Умелец. – Если что – подтвердишь!

– Угу, – рассеянно кивнул Тангейзер, теперь уже аккуратно массируя затылок. – Карабарас, до чего же крепкий этот ром!..

– К «Звездному вихрю» привыкнуть надо, – авторитетно заявил спецназовец. – Там посадка особая, какая-то трава чумовая, ага. Не каждому будет в жилу. Ничего, на свежем воздухе должно полегчать, мы уже в подлётной зоне.

Десантный катер, ведомый умелой рукой Хельмута Балдиса, уверенно догонял планету, бегущую по орбите вокруг местного светила. В нужный момент «будка», как гвоздь в песок,

вошла в богатую облаками атмосферу и заскользила по наклонной, постепенно снижая скорость. Когда она опустилась ниже последнего облачного слоя, стало понятно, что обширных водных пространств здесь хватает. Наконец внизу потянулись лесистые равнины, там было солнечно и, наверное, не холодно, и хватало места, чтобы прогуляться и нарвать цветов для букета, который втемяшился в голову Тангейзеру.

– Хорошо бы где-то возле речки сесть, – мечтательно сказал он, глядя на экран. – Физиономиию в воду опустить, освежиться...

– Дело говоришь, танкист, – одобрил Дасаль. – И ноги заодно можно вымыть.

– И пробу взять, для ученых, – дополнил Шерлок.

– И вдруг там не вода, а ром! – хохотнул спецназовец. – Ладно, сейчас найдем подходящее местечко...

И почти сразу нашел. «Будка» совершила посадку у опушки леса, неподалеку от узкой речки с торчащими на мелководье корягами. Песчаная отмель переходила в луг, и там среди травы розовели, синели и желтели головки мелких, но приятных на вид цветов. Лес был смешанным и выглядел приветливо, да и вообще вся эта местность, залитая солнечным светом, смахивала на красивую картинку. Отовсюду так и веяло первозданностью.

– Райский уголок! – оценил Шерлок.

– В натуре, лепота, – согласился Умелец. – Всяко лучше, чем на киче.

– Водичка-а... – простонал Тангейзер.

Спецназовец открыл бортовой люк и первым спустился по выдвинувшемуся трапу. Следом из «будки» выбрался Дасаль, за ним – Тангейзер. Шерлок покинул катер последним, захватив свою сумку с командировочными принадлежностями и коммом дальсвязи.

– Сначала на речку! – воскликнул Тангейзер и устремился было к желанной воде, но Тумберг не дал осуществиться намерениям танкиста.

– Смотрите! – Он остановился на ступеньке трапа и простер руку в сторону леса, став похожим своей позой на древние земные статуи всяких вождей. – Дым!

Все дружно повернулись туда, причем Хельмут Балдис на всякий случай принял боевую стойку. Действительно, неподалеку поднимался над верхушками деревьев в небесную лазурь бело-серый расплывчатый столб. Назвать его толстым было нельзя, и на лесной пожар это зрелище не очень походило.

– Что-то горит, – проявил недюжинную сообразительность спецназовец. – А только что ничего не было, смотрел, когда выходил с борта.

– Так это же ташкент! – сделал вывод Умелец.

– Да, похоже на костер, – согласился Шерлок, по долгу службы давно ставший знатоком уголовного жаргона. – И вряд ли его развели лесные звери.

– Там автохтоны! – продемонстрировал свои умственные способности и Тангейзер. – И не очень-то цивилизованные, если костры в лесу жгут.

– И со слухом у них проблемы, – заметил Тумберг. – Потому что не слышали, как мы прилетели. Или же слышали и попрятались. По-моему, у нас только два варианта: либо немедленно покинуть планету, либо попытаться вступить в контакт.

– Для контакта есть Дальразведка, – буркнул Хельмут Балдис, сохраняя боевую стойку. – Им за это деньги платят, ага.

– А чем мы хуже? – приосанился Умелец. – Я могу с ходу законтрачить, мне это как два пальца обсосать! Вон, с верхушкой роомохов на Можее враз закорешились, господин начальник подтвердит. И я так понимаю, они тут должны в желтяке ходить с ног до головы, аборигены это любят. Сейчас все устрою в лучшем виде!

Высказав свою позицию, Станис Дасаль устремился к лесу.

– Что такое «желтяк»? – спросил Тангейзер ему вслед.

– Золото, золотые изделия, – ответил вместо груйка Шерлок и ринулся вдогонку. – Дасаль, подождите! Без меня ни шагу, а то вы и тут нафокусничаете, как на Гренделе. Подождите, говорю!

Умелец, не оборачиваясь, чуть сбавил ход, но все-таки успел вступить под сень деревьев раньше следователя. Тангейзер тоже трусцой направился туда, морщась на ходу, – выпитый ром больно бил в виски изнутри. Хельмут Балдис догнал всю троицу пассажиров-экскурсантов уже в лесу и строго сказал:

– Так не годится, господа! Приказано было только ноги размять – и назад. Зачем делать чужую работу?

Сразу же после этих слов спецназовца вокруг захлопало, и из травы повалил густой желтый дым. Шерлок еще успел подумать, что это реагируют на шаги какие-нибудь местные растения-хищники или грибы – и тут горький дым проник ему в легкие. Больше следователь ни о чем не думал и ничего не видел...

Глава 2. Сплошное попадалово

*Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно,
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно.
Из песни Темных веков*

Торчать на орбите в состоянии ожидания – дело не самое интересное, однако это гораздо лучше, чем торчать на той же орбите в состоянии, скажем, ремонта. Или без еды и энергии. Так что экипаж транспортника, исправно выполняющего временную функцию спутника Гренделя, довольно легко переносил вынужденное бездействие. А что еще оставалось делать? Только ждать, когда вернется фрегат, ушедший вылавливать в космосе супертанк, и доставит пробойник подпространства. И вот тогда оба корабля экспедиции возьмут наконец курс на Землю.

К чести Ярилы Мурманского, он не стал выдумывать для экипажа транспортника какие-то задания, чтобы команда не расслаблялась. Да и сам себя работой не утруждал – лежал на койке в своей каюте и смотрел всякие научно-популярные фильмы, дабы повысить свою эрудицию. Пилот и бортинженер проводили время в рубке за игрой в фишки, поочередно бросая кубик на красочную, с картинками, доску и стремясь обогнать соперника на долгом и сложном пути от каморки папы Карло до комнаты с кукольным театром. Каптенармус же занимался своим обычным делом – пересчитывал продовольственные припасы и проверял их пригодность для употребления. Экипаж уже знал, что возвращение фрегата задерживается – об этом сообщил по дальсвязи Добрыня Кожемяка, – а потому никаких активных действий в ближайшее время не намечается. Специально готовить транспортник к переходу в систему Солнца не было необходимости – хотя корабль эксплуатировался не первый десяток лет, все системы работали нормально и во многом сами заботились о себе. Все-таки это была не какая-то каботажная баржа, а судно Службы дальней разведки.

– Как я тебя обошел! – с довольным видом произнес бортинженер, передвигая свою красную фишку сразу на пять ходов вперед и проскакивая мимо «Харчевни трех пескарей».

– Ничего, Димон, Мальвина тебя притормозит, – пообещал пилот. – Чтобы такая куколка да не притормозила?..

– Куколка, куколка станет бабочкой, – пробормотал бортинженер, глядя, как пилот собирается бросать кубик. – Девочка, девочка станет женщиной... Если, значит, верить певице Олге Салдо... А почему бы ей не верить, коль так оно обычно и получается.

Кубик покатился по доске, ударился о бортик и остановился. Но бортинженер смотрел уже не туда, а на полметра дальше, где из корпуса штандер-блока высовывался тонкий стержень усилителя. Стержень изгибался то в одну сторону, то в другую, и это было еще более невероятно, чем если бы кубик замер на ребре.

– Вот я тебя и догнал! – воскликнул пилот.

– Саня, мне кажется или... – начал было бортинженер и замолчал.

Потому что по рубке прокатились звуки, очень похожие на громкий стон, и стержень закачался еще сильнее.

Пилот почему-то испуганно обернулся к открытой двери, а бортинженер дернулся к пульту и принялся лихорадочно осматривать все его детали. Стон повторился на более высокой ноте, а стержень, твердостью своей не уступающий алмазу, продолжал извиваться, словно какой-нибудь кусок проволоки. Вслед за ним пошел волнами и весь корпус штандер-блока, а потом завибрировали переборки.

– Что это, Димон? – недоуменно выдохнул пилот. – Ивица консервами траванулся, что ли?

– Не пойму... – растерянно ответил бортинженер, продолжая шарить глазами по пультам. – Откуда вибрация, откуда этот скулеж?..

Рубку в третий раз огласил жуткий стон, а стержень сломался и со стуком упал на пол. Бортинженер проводил его падение таким изумленным взглядом, каким смотрят с похмелья на бутылку, в которой вместо воужделенного пива оказалась молочная смесь для новорожденных.

– Вы что там такое вытворяете?! – прогремел из динамика грозный голос командира. – Что за выпинг, что за нытье? Кто-то палец прищемил? Чем вы там занимаетесь?

– Понять ничего не мо... – бортинженер осекся и чуть не уткнулся носом в пульт. – Командир, мы снижаемся!

– С какого перепугу?! – возопил Ярила Мурманский. – А ну, врубай главный! Держать орбиту! Не хватало еще машину побить о щит!

Бортинженер провел подготовку к пуску главного двигателя в рекордно короткий срок, но транспортник за это время успел провалиться на двенадцать километров. Впрочем, падением его движение назвать было нельзя – гораздо больше это походило на плавный управляемый спуск. Вибрация уже прекратилась, стоны не повторялись, но корабль явно вел себя не так, как ему следовало. Расчет на то, что с помощью двигателя можно прекратить сближение с поверхностью Гренделя, не оправдался – и после его включения транспортник продолжал снижаться с прежней скоростью, словно некая сила неуклонно притягивала его к планете. И Мурманский, и каптенармус уже примчались в рубку, один в трусах, а другой с испачканным чем-то похожим на муку подбородком, но от их присутствия ничего не изменилось. Корабль неуклонно терял высоту и на щит не наткнулся – а это означало, что панцирь, в который был закован Грендель, по какой-то причине исчез.

Когда транспортник достиг стратосферы, Ярила Мурманский приказал выключить бесполезный двигатель и отправил всех в спасательную шлюпку, а сам в одиночестве остался в рубке. Он не сводил глаз с экрана, продолжая наблюдать за снижением корабля, и был готов в любой момент тоже помчаться в ангар, присоединиться к остальным членам экипажа и покинуть борт. Но все та же загадочная сила несла транспортник бережно, как бесценный груз, и вроде бы не собиралась исчезать и предоставлять кораблю возможность шмякнуться на землю. Вот уже кончился последний слой облаков, и внизу показалась поверхность планеты. Мурманский от напряжения обливался потом, понимая, что в случае чего просто не успеет добежать до шлюпки. Через некоторое время стало ясно, что транспортник опускается на какое-то окруженное забором бурое пятно, к которому вела прямая, как вектор, дорога. Было похоже, что это местная старт-финишная платформа – хотя откуда могла тут взяться такая платформа? Впрочем, чуть позже Мурманскому удалось разглядеть, что никакая это не платформа, а непонятного назначения сооружение в виде полусферы, пузырем выпирающее из земли.

– Командир, как обстановка? – раздался из динамика звенящий голос пилота.

– Сейчас сядем на задницу, – ворчливо отозвался Мурманский. – И тогда держите меня пятеро, а то я этим местным чудилам уши поотрываю!

– У нас полтонны кислой капусты пропало, – сообщил каптенармус. – Надо будет им скормить, чтобы они с унитаза не вставали!

– Почему капуста пропала? – несмотря на экстремальность ситуации, не смог не поинтересоваться командир. – Где твои глаза были, Ивица? Не хватало нам еще продуктами разбрасываться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.